

ПАВЕЛ ГАЙДЕБУРОВ

КОМНАТЫ

Н.А.НЕКРАСОВА

Павел Александрович Гайдебуров

Комнаты Н.А.Некрасова

Аннотация

«Я давно знаю эти комнаты – эти исторические комнаты. Кого только не видали они – кто не перебивал в них! Тургенев, Гончаров, Островский, Салтыков-Щедрин, Панаев, Добролюбов, Чернышевский, Михайлов, Пыпин, Антонович, Жуковский, Мельников-Печерский, Костомаров, Плещеев, Полонский, Григорович, Шапов, Якушкин, Помяловский, двое Курочкиных, двое Успенских, двое Слепцовых...»

Павел Гайдебуров

Комнаты Н.А.Некрасова

Я давно знаю эти комнаты – эти исторические комнаты. Кого только не видали они – кто не перебивал в них! Тургенев, Гончаров, Островский, Салтыков-Щедрин, Панаев, Добролюбов, Чернышевский, Михайлов, Пыпин, Антонович, Жуковский, Мельников-Печерский, Костомаров, Плещеев, Полонский, Григорович, Щапов, Якушкин, Помяловский, двое Курочкиных, двое Успенских, двое Слепцовых... Кого не вспомнишь, –

Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут!

Эти исторические комнаты – комнаты Некрасова.

По понедельникам, в полуденные часы, в них господствовал строгий стиль. Являлись сотрудники, постоянные и случайные, возвращались и принимались статьи, давались и выслушивались объяснения по делам редакций – сперва «Современника», потом «Отечественных записок». В другие дни или часы здесь шла откровенная, вольная беседа – за стаканом чая или за бокалом вина.

Сколько споров слышали эти комнаты, – скольких благодарностей и упреков, дружеских приветствий и резких угроз, сближений и расхождений были они свидетелями! История

этих комнат есть история литературных отношений целой эпохи, история русской журналистики.

И вот они полны теперь какого-то странного народа; они уже не комнаты, а точно улица, где толчется всякий, кому вздумается. Рядом с звездоносным вицмундиром – потертый сюртук медицинского студента, подле шикарной шляпки на взбитом шиньоне – «простоволосая» головка с откинутыми назад прядями, рядом с солидным галстуком – истрепанное кашне вокруг шеи, и тут же – шубы, пальто, военные шинели, пледы и даже чуйки.

В комнатах ходит ветер, движется человеческая волна, пахнет ладаном, а в той, «где стол был яств» – и даже на том самом месте, – стоит гроб. Как это не похоже на прежнюю обстановку этой комнаты!

Впрочем, в ней давно уже нет прежней обстановки. Стол, стоявший посредине, за которым Некрасов – в голубом шелковом халате, обложенный газетами и корректурами – пил по утрам чай и запросто принимал близких знакомых, отодвинут куда-то в сторону или вынесен вовсе; а вместо живой беседы давно уже раздавались скорбные, ужасные, приводящие в дрожь стоны.

В первый период болезни Некрасова, до операции, я был у него несколько раз и почти всегда выносил самое тягостное впечатление. О чем с ним говорить? Как держать себя? Чем его занимать? Разговоры о болезни его раздражают – разве он сам раскроет легкое покрывало и, обнажив высох-

шую, тонкую, как рука ребенка, ногу, скажет глухим, расслабленным голосом: «Вот, отец (обычное его выражение), – таю, высох совсем». Утешать или обнадеживать – бесполезно и совестно: он лучше, чем кто-нибудь, знал, что «не поможет ему аптека и мудрость опытных врачей». Говорить о вещах посторонних – тоже совестно, да и тяжело, потому что сил нет говорить о них спокойно при виде таких ужасных страданий. Только два визита прошли для меня легко и даже приятно. В один из них Некрасов разговорился по поводу напечатанного в «Неделе» стихотворения, отвечавшего на его «Последние песни»:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.